— ...Серьезно?

— Да, серьезно. — Заведующая лабораторией раздраженно плюхнулась на стул рядом с ним. — Как будто они ожидают, что я буду знать все, что здесь происходит, только потому, что я заведующая лабораторией!

— Юяра, — он искоса взглянул на нее, — я назначаю тебя ответственной как за этот объект, так и за проводимые здесь исследования, начальник службы безопасности отчитывается перед тобой, исследовательские группы отчитываются перед тобой, у тебя есть доступ ко всей системе видеонаблюдения здания, которую, я знаю, ты наблюдаешь в своей свободное время для ваших сплетен! — Он быстро заявил, пресекая ее возражения. — И единственный человек, имеющий более высокую власть в здании, - это я, когда бы я ни заходил. По сути, вы знаете обо всем, что происходит.

— Но босс...

— А теперь помолчи, я занят. — Он снова обратил свое внимание на экраны перед собой, игнорируя то, как одна из лучших умов, которых он в настоящее время нанял, скрестила руки на груди, фыркнула и надулась, как подросток.

Тест, который он задал парню, был трудным, настолько трудным, что он балансировал на грани между "поседением волос от стресса" и "фактически невозможным", как если бы он шел по натянутому канату. Он должен знать, он сделал это сам, это было сделано достаточно сложно, чтобы заставить чей-то мозг работать сверхурочно, но не настолько сложно, чтобы заставить их полностью сдаться, и это было сделано таким образом по очень конкретной причине.

Это создало идеальную среду для мониторинга мозговой активности человека.

Но Удзико был бы дураком, если бы просто использовал эту возможность для мониторинга этого.

Активность мозговых волн, частота сердечных сокращений, выражения лица, язык тела и даже такие простые вещи, как то, какой рукой он писал. Все было записано, проанализировано и занесено в каталог.

Сам тест был просто еще одним способом сбора информации, наиболее очевидным из которых была вся первая страница, которая представляла собой страницу опроса. В нем запрашивались такие обыденные вещи, как ваше полное имя, инициалы и возраст. А также очень специфические вещи, такие как уровень образования, отработанная работа, социальный статус, проблемы со здоровьем, прошлые преступления, враги и т.д. Сами по себе эти вопросы были невелики, но при мониторинге его мозговой активности, не говоря уже о множестве ному в соседней с ним комнате, все со специализированными целями, такими как быть идеальным "детектором лжи", настоящие жемчужины могли быть получены из того, о чем он либо лгал, либо не хотел отвечать.

Но это была только верхушка айсберга, все сводилось к тому, какие письменные принадлежности выбрал ребенок и как он ими пользовался. Недавний опрос показал, что большинство детей в Японии пользуются механическими карандашами, однако, если разделить данные по школьным регионам, то в элитных частных школах чаще всего используются ручки (обычно изготовленные на заказ), в государственных школах среднего класса, как правило, чаще всего используются механические карандаши, а в бедных школах в в захудалых районах городов использовались почти исключительно деревянные карандаши, которые предоставляли школы. Он подсознательно тяготел к тому, что казалось ему более знакомым, и то, как он писал, было так же важно, как и то, чем он писал. Например, детей из старших классов учили держать ручки определенным образом, и их обучали почерку.

Каждый может солгать о том, откуда он родом, но то, чему вас учили в детстве, укоренилось в вашем подсознании, и скрыть это гораздо труднее. Профессиональным агентам приходится проходить годы обучения, чтобы достичь своего уровня, годы обучения, которого у ребенка наверняка не было.

Так или иначе, Удзико получит всю необходимую информацию, чтобы решить, что делать с ребенком.

Все, что им теперь нужно было делать, это ждать.

— Могу я просто передать все это моему секретарю? Нет, у меня его нет. Как насчет того, кто будет заместителем начальника лаборатории, это сработает? Подождите, это была бы Юяра, и, как таковая, абсолютно плохая идея. Она просто сделает какую-нибудь глупость, чтобы позлить меня, например, переоденет его горничной и наймет разносить ее вещи, чтобы ей не приходилось вставать со стула.

Удзико вздохнул и сделал еще глоток кофе, пытаясь запустить свой мозг.

Парень закончил тест около получаса назад, и хотя тест был фиктивным и не было реальной причины ставить ему оценку, Удзико все равно передал его нескольким своим ученым, чтобы они это сделали. (Ему было любопытно, ясно?)

Он честно ожидал, что что-то проскользнет, что один из мониторов мозговой активности покажет, что ребенок лгал, или что тест ДНК, который они провели по пряди волос ребенка, покажет, что он был родственником кого-то известного, что-то, что позволило бы ему избавиться от ребенка с помощью чистая совесть, потому что у него действительно была совесть. Он был ученым, а не убийцей, и хотя его учитель иногда был последним, а нравственность Удзико со временем немного пошатнулась, доктор поклялся следовать за ним как за человеком науки, а не как за человеком, убивающим невинных детей.

Все За Одного был ответственен за тела и другие менее пикантные краски, которые он использовал для создания своих работ, все, что делал Удзико, - это предоставлял готовые творения своему мастеру. Его совесть начиналась и заканчивалась его работой, где и как его хозяин доставал ему материалы или для чего он решил использовать готовый продукт, не было на совести Удзико.

Но жизнь ребенка была.

И, несмотря на его многочисленные попытки избавиться от этого, он не мог.

Это был ребенок, которого всю жизнь унижали за то, во что он верил, но, несмотря на это, он продолжал в это верить… даже когда в него никто не верил.

...и это было слишком близко к истине.

В данный момент доктор стоял, прислонившись к стене комнаты отдыха, он все еще был раздражен из-за того, что они потратили время на установку телевизора до того, как закончили установку системы безопасности, и наблюдал за взаимодействием между его самым раздражающим руководителем лаборатории и его самой раздражающей головной болью.

После того, как парень закончил тест, Юяра потащил его в комнату отдыха, намереваясь допросить парня на предмет сплетен и тому подобного, и Удзико был вынужден последовать за ним. Дурацкая мораль.

И, конечно, его жизнь была его жизнью, почти сразу после того, как они сели за стол, их разговор перешел на вещи, из-за которых парню было так трудно избавиться от угрызений совести в первую очередь.

— Я-я знаю, что это может показаться невозможным, и я знаю, что это будет чрезвычайно трудно, но… — Изуку посмотрел руководителю лаборатории прямо в глаза: — Я отказываюсь сдаваться!

— Послушай, Грин, это восхитительно и все такое, — утешила Юяра, — Но ты понятия не имеешь, осуществимо ли это вообще, не мог бы ты хотя бы потратить время на составление запасного плана на случай, если это провалится?

Удзико, решив отвлечься от своей моральной дилеммы, поднял голову и посмотрел на них обоих.

Юяра сидела на краю дивана, положив голову на кулак, который поддерживала ее рука, которая, в свою очередь, покоилась на подлокотнике. Она улыбалась, но ее рука теребила подол лабораторного халата - неосознанное действие, которое, как он понял, означало, что она нервничает, и, судя по тону ее голоса…

— Отзывчивый, заботливый и обеспокоенный. — заключил он с легким хмыканьем. — Ребенок растет в ней, хотя, судя по их профилям, это не слишком удивительно. Он застенчив, но, естественно, привлекает к себе людей, а Юяра...— Его рот сжался в линию. - Он напоминает ей ее младшего брата.

Удзико отложил это на потом и повернулась к Изуку.

Начинающий герой сидел совершенно прямо в кресле прямо напротив дивана, обхватив руками колени, а его глаза…

http://tl.rulate.ru/book/99805/3449608